

Глава 20. Кто пробивает лыжню.

Аласов строго-настрого сказал себе: дружба так дружба, и незачем мутить душу бесполезными мыслями. Всё между ними должно быть просто: вот стали они на лыжи, проверили крепления, палки в руки и — вперёд! Свежий ветер, быстрый бег хорошо приводят человека в трезвые чувства...

В воскресенье Аласов должен был вывести на заре своих десятиклассников в большой лыжный поход. Решили сходить к старому кладбищу, на могилы первых арылахских коммунистов — Семёна Кымова, Лэгэнтэя Нохсорова. «Союз боевых следопытов» хочет собирать исторические материалы о гражданской войне, об организации колхоза. Поход — всему начало.

Где-нибудь на Кавказе весь аул сбегается на общий танец. В Прибалтике сотни людей собирает певческий хор. На Рязанщине любят массовые грибные набеги. А в Якутии — лыжи. Сколько связано с ними славных минут в жизни каждого северянина, какие давние и добрые традиции живут в этих общих снежных походах!

— Физкульт-привет, Майя!

— Здравствуйте, Сергей Эргисович!

Опёршись на палки и притоптывая лыжами, Майя ждала общей команды. Какое сегодня славное утро! И как жаль, что Саргылана не увидит его. Майя поглядела на дорогу: может, всё-таки передумает, оторвётся от своих тетрадок? Совсем замучила себя, бедняжка. Пословица есть: способный на одном месте не засидится. А с моей девочкой как раз наоборот: способная, потому и с места не сдвинешь.

— Здравствуй, Майя.

А, Надежда Пестрякова, собственной персоной.

— Здравствуй...

В своей богатой дохе из лисьих лапок проплыла Пестрякова мимо — уж не собралась ли и она в поход? Нет, пришла дочку проводить. С каких это пор Надежда Пестрякова стала такой сверхзаботливой мамой, — несмотря на ранний час, хочет на своей девочке шарфик поправить...

— Ах, Майя Ивановна, миллион извинений!..

Едва не налетела на Майю невесть откуда взявшаяся Степанида Хастаева — уже покраснелась, полна боевого задора. Пыжиковая шапка чуть набекрень, спортивные брюки обтягивают бёдра.

— И вы тоже, Майя Ивановна?

— Тоже, Стёпочка.

— Вы, Майя Ивановна, говорят, лыжница азартная?

— Азартная, Стёпа.

— Ну что ж, посоревнуемся. Я ведь — ух! — Стёпа сделала разбойничьи глаза. — Я ведь, Майя Ивановна, своего не упущу, прямо говорю. И уж если соревноваться... я имею в виду лыжи... так я в лепёшку расшибусь!

— Стёпа, не надо расшибаться. И обратите внимание на свои крепления — как бы и вправду не расшибиться.

Но Стёпа уже не слушает её. Вытянув шею, она смотрит в сторону Аласова, который в эту минуту разговаривает с Надеждой Пестряковой, та о чём-то расспрашивает его, он отвечает, показывая рукой на сопки, засмеялись чему-то. А вот уже настоящий удар для Стёпы: Надежда привлекает Аласова к себе и застёгивает потуже «молнию» на его куртке...

Майя едва удержалась, чтобы не рассмеяться, — бедная Стёпа, она прямо-таки с лица спала. Ах, Стёпа, Стёпа! Пока ты мне своими «соревнованиями» грозишь, там другая ему «молнию» поправляет. Нет, глупая Стёпа, не я твоя соперница. Жаль, что некие «светские условности» не позволяют сказать тебе открыто: да не косись ты на меня, не жги порох понапрасну!

Поскорее бы Стёпа окрутила нашего блестящего холостяка. А то наши женщины словно с ума посходили, то и знай шушукаются в учительской. Надежда Пестрякова вон вдруг стала проявлять к лыжным походам небывалый интерес. Стёпу здесь сто раз понять можно, простить ей любую выходку, но куда эта лезет в своей боярской дохе, мать семейства, мужняя жена! Не ей ли одной когда-то только и светила его любовь, а она? Нет у мужчин гордости. Я бы на месте Аласова показала этой Пестряковой «возврат нежных чувств»!

Сергей шагает сюда.

— Как твои лыжи, Майя?

— Отлично, Сергей Эргисович.

Степанида рванулась навстречу Аласову, будто на амбразуру дзота:

— Мои посмотрите, Серёжа! У меня что-то с креплениями...

— Один момент, Степанида Степановна, сейчас мы вам подыщем постоянного кавалера... Эгей, Евсей Филиппович!

Степанида обиделась:

— Кавалеров себе я привыкла подыскивать без посторонней помощи. Подбором кадров занимаюсь лично!

Но Евсей Сектяев был уже рядом.

— Слушаю вас, товарищ Аласов!

— Боевое вам задание, товарищ Сектяев: устроить Степаниде Степановне крепления и всячески опекать её во время похода.

— Слушаюсь! Степанида Степановна, я в вашем распоряжении. Что прикажете?

— Ах, Евсей Филиппович... — сказала Стёпа, печально глядя вслед Аласову, — Нечего мне вам приказывать... И глаза бы мои на вас не глядели...

Сектяев только рот разинул.

Первым шёл Аласов, за ним комсорг Брагин, гордый тем, что поставлен сразу же за пробивающим лыжню, за фронтовым командиром.

Майя шагала в середине колонны, следом за Егором Кудайсовым, который двигался странным манером — то рванётся вперёд, то отстанет. Оказалось, впереди Егора шла Лира Пестрякова. Ах, молодость! Как легко читаются на твоей физиономии самые сокровенные тайны!.. Уж не этой ли тайной озабочена сегодня Надежда Пестрякова? Их дочь и паренёк из халупы... Вон она, всё ещё стоит на бугре, смотрит вслед ушедшим.

На восточной окраине аласа, куда двигались лыжники, лес наподобие пилы — зубьями вверх. Пики сосен черны, валуны льдисто-зелены, а небо наливается алым жаром, отчего котловина аласа светлеет на глазах, всё больше алых искр вспыхивает в воздухе и под ногами. И вдруг, словно пробив головой горизонт, над лесом появляется наконец солнце: «Люди, ура! Я здесь! Вот оно я!»

Они шли колонной всё вперёд, а Надежда осталась там, на бугре, одна. В своей дурацкой шубе... Может, вспомнит, что была когда-то лучшей лыжницей в классе, ходила в самые далёкие походы? На минуту Майе стало жалко бывшую свою подругу, но тут же она подумала: ещё неизвестно, кого из них двоих надо больше жалеть: Надежда, проводив дочь в поход, вернётся сейчас домой, где детские кровати, игрушки, валеночки сына и школьные тетрадки дочери... То, чего нет у неё. И никогда не будет. Девица с мисками да ложками...

Мимо, вдоль колонны, красиво выгибая спину, пробежала Степанида — к Аласову помчалась... Вскоре впереди зазвенел её смех, что-то Стёпа стала выкрикивать, вереницу лыжников даже слегка притормозило. Вдруг сильный, очень молодой голос Аласова взвил над колонной песню:

Есть у нас в Якутии

Парни боевые...

Это была песня, с которой когда-то уходили на фронт такие же мальчишки, сверстники нынешних, и такие же девчонки их провожали. Перед самой войной эту «Песню боевых лыжников» — словно в предчувствии — пели особенно часто. Сеня беспрестанно мурлыкал себе под нос: «Есть у нас в Якутии...»

Давно нет Сени и многих из тех, кто уезжал с этой песней на запад. И мелодия, некогда популярная, всё больше забывалась с годами. Давно не слыхивала её Майя. И зачем только Сергею вспомнилось — её ведь сегодня никто не знает.

Но песню помнили. Дружные голоса разом подхватили, понесли:

...Парни остроглазые,
Верная рука!

Аласов стоял, пропуская колонну, увидел Майю, подмигнул: помнишь песню? «Помню», — кивнула Майя. Он пошёл рядом, время от времени поглядывая на неё. Потом запели что-то нынешнее — про девчонку, которая ищет алмазы, не зная, что сама алмаз...

— А наша-то лучше, а? — сказал Сергей. — «Парни боевые», разве сравнить?

— Наша-то в сафьяновых сапожках, — засмеялась Майя.

— Смейся, смейся, ведь и в самом деле лучше!

Майя спросила, далеко ли до цели. Оказалось, всё рассчитано так, чтобы быть в полдень. К двум часам дня на фермерских санях обещали туда старца Авксентия подвезти.

— Как Авксентия! Старец Авксентий... жив ещё?

— Жив-здоров, чего и нам желает...

Аласов высоко взмахнул палками, умчался вперёд, оставив Майю в замешательстве: старец Авксентий, оказывается, жив ещё! Глубоким стариком Авксентий был уже тогда, когда Майя бегала малюсенькой девчонкой. Сколько же теперь ему? Наверное, все сто.

Историю Авксентия Майя часто слышала в малолетстве, когда на летних выселках, усевшись в свободный час в тень юрты, женщины со скорбными лицами вели свой сказ:

— Был Авксентий в молодости живым да бойким, говоруном да песнопевцем и такого приятного вида, что не одна девушка вздохнёт, бывало, украдкой. Однако привлекательность и чистый голос не принесли Авксентию счастья, а скорее, стали причиной горькой его беды.

Полюбился он первой красавице наслега, неповторимой и неопикуемой Мато. На любовь ответил ей любовью. Летом, в берёзовой роще, во время весеннего кумысного праздника ысыах, они открылись друг другу и дали клятву быть верными своей любви.

Но уже висела над ними беда — отец Мато нашёл дочери жениха по своему вкусу, вдовца, владельца большого стада. Два дня и две ночи валялась девушка в ногах у своего родителя, однако отец и внимания не обратил на её слёзы, хотел даже пройтись по спине дочери сыромятными вожжами, да мать оборонила. Когда же наступила третья ночь, в амбаре, где обычно спал юный Авксентий, со скрежетом приоткрылась тяжёлая дверь. Видя, как мелькнула в лунном свете чья-то тень, парень вскочил на ноги: «Кто тут, что надо?!»

«Тише, Авксен, тише! Это я пришла, Мато твоя... В окно я...»

Девушка стала рассказывать, как бежала под покровом ночи к нему, но вдруг на полуслове прильнула к Авксену, обхватила его шею руками, стала целовать, ласкать, шептать ему нежные слова.

«Авксен, золотой мой, земля велика, бежим вместе. Куда угодно с тобой».

Но у парня мысли были совсем иные. Видели, наверно, посторонние глаза, как входила девушка в амбар, завтра пойдут по Арылаху слухи...

«Что за слова ты говоришь, куда мы побежим, куда денемся! Зачем мучить себя несбыточным!»

Девушка долго плакала, а потом вытерла слёзы и говорит:

«Видно, не судьба нам... Так хоть полюби ты меня на прощание — как мужчина женщину. Пусть запомнится эта ночь на всю мою горестную жизнь. Чтобы тебе, любимому, моя девичья честь досталась, а не старому вдовцу поганому. А уж дальше — что угодно».

Но бедняга Авксен разнимает её руки на шее у себя:

«Что ты, что ты! Грешно это! Светает уже, беги домой скорее. Если увидит кто — беда будет...»

Она чуток помедлила на пороге, отрешённая, сама не своя.

«Не бойся, — говорит. — Уж твоё-то имя опозорено не будет. Одно обидно: думала, что сокол ты. А ты, Авксен мой, всего только белкой-летягой оказался. Ну да уж ладно. Прощай!»

И исчезла в предутренних сумерках.

Ушла Мато из амбара, а домой, к родителям, не вернулась. Исчезла, как летняя зарница, — вспыхнула, и никто её больше никогда уже не видел. Родители и тот старик, которому Мато просватана была, подняли на ноги окрестные наслеги, неделю искали по всем омутам и чащам — никакого следа. Тогда отец донёс старосте на Авксентия, взяли его, учинили допрос.

Парень во всём признался. Рассказал, как приходила Мато ночью, что говорила ему, что он ей говорил. Хоть и клялся бедняга в слезах, что и духом неповинен, но признание мало ему помогло — увезли Авксентия в город, года полтора просидел он там в тюрьме. Выпустили, однако...

Вышел Авксен из тюрьмы старик стариком, согбенный и чёрный, слова из него клещами не вытащишь. В детстве Майя до ужаса его пугалась, будто был старик воплощением какой-то неизбывной вины человеческой...

Авксентий не женился, прожил свой век в семье родной сестры — той самой, что была матерью Лэгэнтэя Нохсорова. Мальчика Лэгэнтэя он вынянчил на своих руках.

Старая-престарая история, похожая на сказку. А ведь всё здесь происходило, в Арылахе. И Авксентий, оказывается, ещё жив-здоров. Вот чудеса!

Пока Майя, энергично работая палками и поглядывая на беспокойного Гошу Кудайсова, размышляла таким образом, колонна пересекла долину и двинулась к нависшей над аласом высокой круче. Приумолкли песни и разговоры, только мерный скрип да облачка пара над побелевшими от инея шапками.

У крутояра сделали короткий привал. Ребята поглядывали на утёс с лихостью, девочки опасливо отводили глаза.

— По-одъём! — сложив ладони рупором, скомандовал Сергей. — Идти всем «ёлочкой»... Ребята помогают девушкам, за каждую отвечают головой!

На крутизне он подождал Майю, протянул ей свою палку — так она и взобралась, на буксире. Бамбуковая палка, за концы которой они держались, прочно соединяла их. У Сергея была сильная и надёжная рука. Спокойно, без рывков, шаг за шагом, вверх и вверх...

А вот и вершина! Часто дыша, Майя прислонилась спиной к кривой берёзе. Весь родной алас из края в край — с лесами его и сопками, белыми, как хребтовина песка, с едва заметней под снегом ниточкой замёрзшей речки Таастах, с островком деревни, накрытой шапкой тумана, — всё это, подёрнутое сизой изморозью, являло картину, от которой захватывало дух. Вот награда тебе за храбрость!

— Ай-ай! Несчастье! — вдруг раздался вопль. Кричала Нина Габышева.

Беда оказалась невелика. Вниз по склону, только что преодолённому, неспешно скользила оброненная лыжа. Словно решив проделать весь путь назад самостоятельно, а если ничего особенного не приключится, так и воротиться в Арылах, лыжа жёлто-лаково поблёскивала на снегу, вслед ей понеслось улюлюканье, смех.

— Лови!..

— Держи-и...

— Ой, ужас! Как же я теперь с одной лыжей?!

— В погоню!

Кто-то сорвался вниз, чертя сумасшедшую кривую по склону крутояра, помчался лыже наперерез. Это был Аласов. Снежная пыль, радужная на солнце, клубилась следом за ним. Молодец, догнал всё-таки!

«Надо же, каким красивым может быть человек в полёте!» — с невольным восхищением подумала Майя.

И тут же услышала свои слова, повторённые вслух.

Это было так неожиданно, что Майя испугалась: уж не стала ли она выбалтывать мысли?

Нет, это не она сказала. Неподалёку — как всегда вместе — стояли «двойняшки», Нина Габышева и Вера Тегюрюкова.

Нина это произнесла...

Широко раскрытые, обо всём забывшие глаза. Девушка подалась вперёд, словно хотела кинуться вслед за Аласовым, рука намертво вцепилась в плечо подруги:

— Вот он, сокол... Красивый... смелый...

— Тише, Нинка, тише... с ума сошла, — предостерегающе дёрнула её Вера. Но та твердила, будто в забытьи:

— Сокол... мой сокол...

Майю всю передёрнуло: этого ещё не хватало! Мало того, что из-за Серёги Аласова сходит с ума Степанида, плетёт свои неуклюжие петли Надежда Пестрякова... А тут девочка, совсем ребёнок: «Сокол мой»... Об учителе своём, о человеке, который ей в отцы годится!

Майя уже не смотрела вниз, история с лыжей стала безразлична ей. И вообще, куда как противна вся эта неприличная бабья возня вокруг холостого учителя! Все потеряли голову, даже девчонок включая. Этаким Дон-Жуан, пожиратель женских сердец объявился в наших краях...

Противно!

Совершенно напрасно пошла она в этот поход, когда столько дел дома, хозяйство запустила, гора нечитанных книг лежит...

В полдень впереди по курсу замаячили знакомые купы берёз. Под берёзами можно было различить сани с лошадьми, группу людей. Недалеко от старого кладбища сняли лыжи, построились в колонну по трое, Саша Брагин вынул из чехла знамя.

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

Медленно, пробивая дорогу в снегу, колонна двинулась к могиле Лэгэнтэ Нохсорова. И так же тяжело, под стать этому движению, пробивалась вперёд старая песня — гимн тем, кто жертвовал собой во имя «царства свободы».

Вытянувшись струной, стоял впереди заиндеветый на морозе дед Лука, за ним сгрудились фермерские — доярки, усатый фуражир, детишки. На санях поодаль, свесив ноги в мохнатых унтах, сидел старец Авксентий, древний, иссохший до кости.

У могил строй рассыпался. Принялись разгрести снег, пошли в ближний лесок добыть свежей хвои на венки.

Аласов не раз бывал на старом кладбище. Тут был похоронен его отец. Неподалёку от могилы Лэгэнтэ Нохсорова высились два снежных холма с пирамидками: один — Семёна Кымова, геройского арылахского председателя,

другой — жены старого учителя, Ааныс Левиной, погибшей по дороге в больницу... Старик Левин вчера вечером пришёл к Аласову, дал ему две свежие алые ленты: «Прикрепи там к пирамидкам. Скажи, что всё в порядке. Обезножел я немного, трудно ходить. Но приду... Скажи там ей».

Десятки лент трепетали на пирамидке. Одни ещё хранили свой цвет, другие выгорели на солнце, морозы изожгли их добела. Аласов прикрепил новую, постоял, стараясь представить себе жену Левина. Тряхнул головой и пошёл назад, к народу.

Вокруг старца Авксентия стояла толпа.

— Дед Авксентий, дорообо! — сказал Аласов, пробившись в круг и пытаясь сделать его пошире, оттеснить самых напористых.

Старик на приветствие не отозвался. Чёрные губы его слабо шевелились, он что-то бормотал.

— Ты погромче ему, — подтолкнул Аласова в бок старик Лука. — Кричи что есть мочи...

— Дорообо, дед Авксен! — рявкнул Аласов так, что девочка рядом отшатнулась.

На этот раз старец заинтересовался, поднял глаза. Против ожидания, они глядели разумно.

— Здорово, здорово, сыночек, — прошамкал старец и руку протянул. — Чей ты такой?

— Алааса... Эргиса Алааса. Помнишь?

— Помню... Этих детей ты привёл?

— Сами пришли. К Лэгэнтэю на могилу.

— Вот спасибо, сыночек, вот уважил. Лэгэнтэй-голубчик обрадовался бы...

Крупная слеза покатила по его лицу. Аласов потоптался около плачущего старца и махнул рукой Саше: пора!

Ребята выстроились перед могилой длинной шеренгой, на правом фланге рдело знамя. Стихли голоса.

— Ребята! Товарищи дорогие... — сказал Аласов и почувствовал, как перехватывает голос.

Он заговорил о судьбах, неподвластных обычному ходу времени. Одни уходят из жизни, как роса с листы, даже следа не остаётся, будто не жили, а другие бессмертны. Память о Лэгэнтэе будет жить в Луке, в старце Авксентии, в любом из колхозников. Он будет всегда жив, Лэгэнтэй Нохсоров, пока стоит колхоз, пока течёт река, на которой он мечтал поставить плотину, пока люди не разучатся понимать простую и великую истину: мы потому сегодня радуемся солнцу, что другие пожертвовали для нас жизнью.

— И верно... он был как сама правда! — вдруг крикнул за спиной Аласова старец Авксентий. Голос его был пронзительный, — наверно, так вот камлали шаманы в старину.

Старец попытался слезть с саней, две женщины подхватили его под руки, поставили рядом с Аласовым.

— Это я, дядя твой, Лэгэнтэй, сыночек мой, слышишь? Вот я пришёл к тебе и стою здесь. Я тебя вынянчил. К тебе детишки пришли... Я спросил: «За какие грехи бог обрёк наш род на вымирание? Почему не дал тебе, Лэгэнтэй, ни семьи, ни сыновей?» А ты сказал тогда: все дети, какие вырастут в Арылахе, будут мне родные, в моём колхозе — мой род... Правда твоя, Лэгэнтэй, пришли дети, о которых ты говорил. Голубчик мой...

Старик упал перед могилой на колени и сдёрнул малахай. Аласов и дед Лука кинулись его подымать.

Саша Брагин, заранее написавший свою речь, стоял, переминаясь с ноги на ногу, глаза его за роговыми очками смотрели сурово. Он то скручивал в трубку свои листки, то снова разворачивал, наконец сунул их в карман.

— Мы не забудем сегодняшний день, — сказал он просто. — Разве забудем?

— Не забудем! — ответили ему звенящие голоса.

«Не забудем!» — отдалось эхо.